Le procès de 16, — par Pierre Alissoff.
Prix 10 centimes.

ПРОЦЕССЪ 16

Вопросъ о тирано-убійствѣ былъ постоянно предметомъ изслѣдованія моралистовъ. Убійство частнымъ человѣкомъ преступника, который, ставъ выше законовъ, тѣмъ самымъ поставилъ себя внѣ возможности быть наказаннымъ закономъ, признано всѣми народами и многими лучшими и мудрѣйшими людьми не за преступленіе, но за выраженіе самой экзальтированной добродѣтели.

(*О свободѣ.* Дж. Стюартъ Милль.)

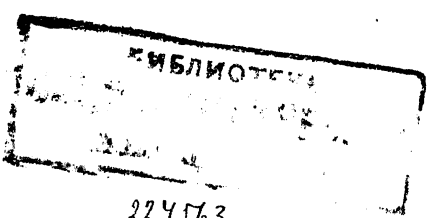
„Tu peux tuer cet homme avec tranquillité."

(„Châtiments". Victor Hugo.)

П. АЛИСОВА

Imprimerie Russe. Chemin Neuf, 13. Geneve.

1880


224763

ПРОЦЕССЪ 16

I.

Наконецъ, ожидаемыя показанія Гольденберга прочтены на судѣ. Изумительныя, непостижимыя показанія!!...

Человѣкъ, убившій Кропоткина, предложившій свои услуги Соловьеву съ цѣлью доканать вдвоемъ стараго злодѣя, устроитель минъ, перевозчикъ динамита, вдругъ, совершенно неожиданно, послѣ одиночныхъ размышленій, въ одиночномъ заключеніи, начинаетъ добровольно писать показанія, уговариваетъ молодежь не прибѣгать къ политическимъ убійствамъ; тюрьма и эшафотъ, не ужасавшіе его на свободѣ, но разжигавшіе его на борьбу, ужаснули его въ заключеніи; смѣявшійся надъ безсиліемъ правительства на свободѣ, видѣвшій это безсиліе на каждомъ шагу, онъ начинаетъ вѣрить въ его могущество въ заключеніи. Вѣря въ его гибель на свободѣ, онъ начинаетъ вѣрить въ его побѣду въ заключеніи. Онъ выдаетъ на-голову всѣхъ своихъ товарищей, съ цѣлью спасти несчастную, невинно замучиваемую Россію. Онъ желаетъ показать правительству, что ужасъ его напрасенъ и приведшая

его въ неописанное смятеніе террористическая партія насчитываетъ всего нѣсколько десятковъ людей.

Не смотря на полную увѣренность правительства, что мистификація блистательно удалась, люди, привыкшіе читать между строкъ, слышатъ отчетливо, ясно крокодилій плачъ перемѣнившихъ квартиру третьеотдѣленскихъ шпіоновъ. Не смотря на горестныя причитанія и соболѣзнованія о молодежи, даромъ гибнущей по тюрьмамъ, невольно читаются слѣдующія мысли:

„Господа революціонеры, ради всего святаго, оставьте проклятыя политическія убійства! вы черезчуръ отравляете наше кроткое существованіе, желудки наши и сновидѣнія совсѣмъ разстроились; лучшіе шпіоны отечества разбѣжались въ страхѣ по Европѣ, увѣряя, что тамъ корни крамолы. Послѣдній шпіонишка, оставшійся на родинѣ и тотъ требуетъ неслыханныхъ прибавокъ. Обожаемый монархъ измаялся, его слабитъ день и ночь; въ судно превратился тронъ Мономаха, о шапкѣ и говорить нечего!... Онъ не спитъ по ночамъ и намъ спать не даетъ; богъ знаетъ, какъ ѣстъ и намъ ѣсть не даетъ; цѣлый день какъ на ножахъ и угольяхъ мечется и насъ съ ногъ совсѣмъ сбилъ; мы въ петлю отъ усердія лѣземъ, а ему все мало! Обожаемый реформаторъ все болѣе и болѣе жертвъ алчетъ, всѣ монументы висѣлицами замѣнить требуетъ; жареныхъ революціонеровъ на обѣдъ заказываетъ и ночи цѣлыя по собачьему воетъ, въ ужасъ Долгорукую приводитъ; угождая ему, мы шестидесятилѣтнихъ старухъ стали въ тюрьмахъ замаривать, всѣхъ перебрали и въ концѣ концовъ ни къ чему не пришли, и монарха не удовлетворили..,

Если въ васъ есть хоть искра настоящей русской души.

дайте намъ съ надлежащимъ спокойствіемъ вѣшать васъ, морить въ каменныхъ мѣшкахъ, высылать тысячами на голодную смерть въ мѣста весьма отдаленныя; позвольте васъ драть нагайками, пытать въ случаѣ недостатка краснорѣчія при допросѣ. Если въ васъ есть хоть искра настоящей русской души, не мѣшайте намъ за все это денежныя вознагражденія получать, чины, звѣзды, кресты, табакерки и перстни; не принимайте такъ горячо всего къ сердцу. Къ чему безполезныя, политическія убійства, сколько великихъ, свѣтлыхъ патріотовъ пали на полѣ чести! Гражданинъ Мезенцевъ, на Черной рѣчкѣ не павшій, около Цѣпнаго моста палъ! Предоставьте намъ васъ избивать безнаказанно и безполезно, на то мы русское правительство!“

Но, не смотря на всю логику, невольно возникаетъ вопросъ: если Гольденбергъ, выдавая товарищей, спасалъ всю русскую молодежь отъ пытокъ и казней, что помѣшало ему явиться въ судъ и безстрашно провести эту, выношенную въ одиночномъ заключеніи, зрѣлую мысль, передъ замученными товарищами?

Почему онъ, спаситель отечества, избираетъ для себя смерть Іуды? Зачѣмъ онъ повѣсился, спасая?

II.

Фальшивые монетчики, палачи, тянущіе жилы въ застѣнкахъ, пожелали надуть публику, слишкомъ знакомую съ ихъ азіятскими инстинктами, одною лишнею, наглою фальсификаціею.

Гольденбергъ былъ пойманъ съ динамитомъ; трудно было усомниться въ его принадлежности къ тѣмъ, которые вырыли подъ рельсами три могилы царю и одну колоссальную Зимнему дворцу. Послѣ 5 февраля нужно было допросить; всѣхъ запытать было нельзя; пришлось бросить жребій, онъ палъ на Гольденберга.

Намъ ли, русскимъ душамъ, широкимъ славянскимъ натурамъ, освободителямъ славянъ, затрудняться надъ допросомъ, краснѣть передъ вѣчнымъ орудіемъ московскихъ царей, наслѣдіемъ татарскихъ хановъ: колесомъ, встрясками, жаровнями, клещами и плетью съ тройнымъ наконечникомъ!

Черные евнухи сераля! вѣрные янычары! спасемъ персидскаго шаха!!

Русское правительство пустило въ тысячный разъ свое задушевнѣйшее орудіе: **пытку!!** Не захочетъ пытать жандармъ, позовемъ мясника...

Изъ несчастнаго потянули жилы; по замореному тѣлу загуляла плеть съ тройнымъ наконечникомъ; пошли въ ходъ гвозди, ножи, пилы... Въ темномъ, глухомъ подвалѣ полилась кровь; раздались, задушаемыя кулаками жандармовъ, стенанія... Людоѣды остервенились; кровь бросилась въ голову; бѣшеная слюна потекла изо рта; они начали отъ восторга захлестываться. Муки смѣнялись муками... Словъ не стало слышно, одни гоготанія, рыканія, прерываемыя предсмертнымъ хрипомъ... Окровавленный, затерзанный заговорилъ..... Малѣйшая остановка — снова крючья, щипцы, плети и такъ вплоть до послѣдняго слова.

Выжавши всю кровь, вымогавши всѣ показанія и жилы, на обезображенные остатки накинули петлю. Затѣмъ позвали

талантливаго сотрудника либеральной газеты съ повелѣніемъ изложить показанія и отъ лица убитаго прочесть патетическую проповѣдь о вредѣ и безполезности политическихъ убійствъ... За краснорѣчіе назначено 25 копѣекъ отъ строчки и обѣщаніе дать мѣсто при полиціи...

Сомнѣнія кончены... Удавленный не проговорится передъ судомъ о пыткахъ, не откажется отъ вымученныхъ показаній.

Дознаніе снято..... отечество спасено..... мораль террористамъ отъ ихъ собственнаго товарища прочитана..... неразрѣшимыя дилеммы разрѣшены самымъ экономическимъ образомъ..... Орудія каменнаго періода: господа Черевины украсятъ доблестныя груди крестомъ Георгія Побѣдоносца, станутъ интимными совѣтниками царя.

Парализированная дохлятина можетъ на время успокоиться, днемъ заснуть, вкусить, по мѣрѣ старческихъ силъ, наслажденіе съ наложницей. Взрывателей поѣздовъ какихъ нибудь десятокъ, два, не болѣе! остальные — либералы.....

Дѣлаются смѣлые планы поѣздокъ; желѣзная дорога отъ Петербурга до Севастополя оцѣпляется тройною цѣпью хранителей основъ; милліоны истрачиваются, и самодержавный параличъ пробирается съ наложницей въ южное логовище. Арміи впереди, арміи сзади..... губернаторы, чиновники, всѣ служащіе на дорогѣ, исправники, становые наполняютъ поѣздъ, ѣдутъ по своей губерніи въ переднихъ вагонахъ, доказывая наглядно, что взрывателей нѣтъ...

Крестьяне тысячами сгоняются съ полей, они усѣиваютъ окрестности близь лежащей желѣзной дороги, чтобы взрыватель, въ случаѣ сверхъестественнаго событія, не убѣжалъ.....

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и тотъ же параличъ снова

перебираетя съ наложницей изъ южнаго логовища въ сѣверное. Снова тройная цѣпь хранителей... арміи впереди и арміи сзади..... Снова милліоны рублей..... снова губернаторъ, чиновники, всѣ служащіе на дорогѣ, исправники, становые и несмѣтныя толпы народа, согнанныя съ полей...

Да здраствуютъ царскіе поѣзды!! да здраствуетъ самодержавный параличъ! да живетъ дохлятина и пусть гибнетъ отъ холода и голода русскій крестьянинъ! Пусть мретъ по тюрьмамъ цѣлое поколѣніе, и два столба съ перекладиной по прежнему изображаютъ arc de triomphe въѣзжающаго въ столицу монарха!!...

Но не плохое ли предзнаменованіе эта arc de triomphe для дома Романовыхъ?

Вамъ мало было засѣчь, запытать человѣка, вамъ нужно было съ его страдальческой головы стащить терновый вѣнецъ и растоптать его сальными сапогами жандармовъ. Несчастнаго, невыдержавшаго чудовищныхъ пытокъ, вами удавленнаго, вы опозорили, оклеветали! Предсмертный хрипъ, истерическія рыданія, конвульсіи вы назвали добровольнымъ сознаніемъ!!...

Но вамъ не удалось наплевать въ лицо мертвому, вся Европа уже знаетъ, какимъ способомъ вы добыли признаніе, въ чемъ заключались Лорисъ-Меликовскія реформы и гуманность армянина! Честные люди бросили въ васъ еще одно лишнее проклятіе и еще глубже васъ возненавидѣли! Но вы не смущаетесь, вы не можете даже себѣ представить, что въ Европѣ общественное мнѣніе — страшная сила, и Россіи прійдется расплачиваться за васъ!

III.

Десятокъ взрывателей!!... Не спѣшите улыбаться; если бы вы были хоть немного менѣе идіоты, ваши лица помертвѣли бы отъ испуга!

Правительство 85 милліоннаго царства! повелители десятковъ тысячъ жандармовъ, десятковъ тясячъ шпіоновъ, дворниковъ и урядниковъ! воздвигатели висѣлицъ и центральныхъ тюрьмъ! Десятокъ людей, только десятокъ! заставилъ васъ впродолженіи двухъ лѣтъ метаться по всей Россіи въ эпилепсіи, вѣшать, бить, мучить, ссылать! Десятокъ людей заставилъ васъ трепетать день и ночь, надрывать мозги, выдумывая кровавыя безумства!

О! полицейско-жандармское, шпіоно-урядническое правительство! ты со всѣми своими мечущимися по Россіи легіонами, послѣ долголѣтнихъ, неусыпныхъ сыскиваній, арестовъ тысячами, поголовныхъ удушеній, на силу сыскало десятокъ виновныхъ! А остальные?..... Ищи ихъ, требуй ихъ у враждебныхъ тебѣ государствъ, получай оплеухи, изображай изъ себя всеобщую европейскую грязную плевательницу!! Сильное русское правительство, ты этого вполнѣ стоишь! Ты не отъ народа, ты само по себѣ!!...

Зачѣмъ, шпіоно-урядническое правительство, тебѣ нуженъ былъ Гольденбергъ? Почему всевидящее, безумно дорого оплаченное кровавыми деньгами народа, *око шпіоновъ* не прозрѣло тайны? Если только десятокъ человѣкъ, то зачѣмъ ты, сильное русское правительство, впродолженіи десятковъ лѣтъ мучило и губило понапрасну Россію?? О, сфинксъ! разрѣши мнѣ загадку!

Мудрые столбы правительственные, если вы не помадите вашихъ головъ, и онѣ у васъ не плѣшивыя, то волосы должны встать на головахъ вашихъ, какъ щетина на дикобразѣ, при мысли о будущемъ. *Оно* полно чрезвычайныхъ сюрпризовъ. Не болѣе какъ два года назадъ, самый необузданный революціонеръ не предсказалъ бы случившагося. Политическіе процессы ростутъ не въ ариѳметической, но геометрической пропорціи, и съ ними вмѣстѣ ростетъ неумолимая необходимость политическаго убійства; оно вошло въ революціонную среду не какъ гость, но хозяинъ. Политическое убійство стало историческимъ прогрессомъ, единственною мѣрою противъ кровопійцы, „qui est tout puissant pour le mal et impuissant pour le bien“.

Ну если, въ силу историческихъ судебъ, эти десятки превратятся въ тысячи, а тысячи въ десятки тысячъ!

Что тогда?...

Ваши жестокости истощились, ваше кровавое безуміе перешло уже давно границы возможнаго; революціонный протестъ только народился.

Одинъ вамъ сознался на раскаленныхъ угольяхъ, но это не законъ. Вспомните Каракозова, Соловьева, десятки другихъ.

Не *Вы* вышли побѣдителями, а десятокъ взрывателей! Не *Они,* но *Вы* позорно сдались послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ! Безстрашные, неодолимые они во всеоружіи стоятъ противъ васъ и съ хохотомъ слушаютъ панихиды и колыбельныя пѣсни.

IV.

Цареубійство становится все болѣе и болѣе лозунгомъ

всѣхъ революціонеровъ всего земнаго шара; монарховъ изведутъ, какъ клоповъ въ старыхъ русскихъ гостиницахъ, не прибѣгая къ грандіознымъ революціямъ. Всякій вѣкъ выработываетъ свои пріемы борьбы. Республиканская форма правленія съ непобѣдимою быстротою охватываетъ Европу; монархія, пораженная уже давно третичнымъ сифилисомъ, умираетъ отъ осложненій; водянка мозга уже началась.

Нѣсколько недѣль назадъ, Феликсъ Піа въ горячихъ передовыхъ статьяхъ газеты „Commune“ потребовалъ выбора, до настоящей минуты непомилованнаго Березовскаго, въ депутаты; предложилъ подписку на почетный револьверъ цареубійцѣ. На револьверѣ должна была сіять надпись, съ одной стороны: France regicide au citoyen Berezovsky. съ другой: Moscou, Varsovie, Paris. — 96.788 человѣкъ въ нѣсколько дней отозвались на призывъ; въ собраніи, при тысячахъ народа, былъ изреченъ приговоръ надъ русскимъ царемъ; были пересчитаны чудовищныя злодѣйства, и вся зала огласилась громовымъ крикомъ: „Да здраствуетъ цареубійство!“

Въ собраніи была предложена поучительная дилемма: или убійство цѣлаго народа, или убійство одного очумѣвшаго идіота, присвоившаго себѣ ни съ того, ни съ сего, сверхъестественныя, безумныя права. Существованіе царя признано всѣми кровавымъ оскорбленіемъ человѣка и гражданина, растаптываніемъ въ грязь принциповъ равенства и свободы.

Не пройдетъ десятка лѣтъ и убійство царя станетъ такою же необходимостью, какъ убійство рыскающей, бѣшеной собаки.

Никто не станетъ справляться о пользѣ для всего человѣ-

чества, никто не станетъ перерывать архивовъ, розыскивая въ тысячелѣтней исторіи нравоученій, какъ никто не справляется о томъ, что можетъ ли убійство одной бѣшеной собаки спасти все человѣчество отъ бѣшеныхъ собакъ.

Политическое убійство помимо своей необычайной полезности имѣетъ высокое нравственное значеніе: оно протестъ человѣка противъ кровожаднаго, безсмысленнаго звѣря, стоящаго внѣ всѣхъ человѣческихъ законовъ, противъ шайки убійцъ и червонныхъ валетовъ, которые, стоя внѣ законовъ, душатъ, рѣжутъ, мучаютъ, опираясь на то незыблемое основаніе, что у нихъ отдѣляется въ изобиліи бѣшеная слюна; свойство это, губящее собачью породу, почему-то даетъ фантастическія привиллегіи русскимъ администраторамъ. . . .

. . . . . .

Но у васъ есть выходъ.

Не думайте, что я стану говорить о томъ либеральномъ, канцелярскомъ шушуканьѣ, о тѣхъ объѣденныхъ моськами цыплячьихъ косточкахъ, которыхъ вы называете „новою эрою“, „фазисомъ“, „возрожденіемъ“, „перерожденіемъ“. Не думайте, что я буду разсуждать о программѣ тифлискаго армянина, выработанной въ азіатской Турціи, въ борьбѣ съ турками. Мы прочли программу въ „Отечественныхъ Запискахъ,“ и умилились надъ единственнымъ въ своемъ родѣ пасквилемъ на свободу; клянусь пророкомъ, я нашелъ, что первый старый турецкій баньщикъ болѣе Лорисъ-Меликова способенъ стать во главѣ правленія, спасти Россію, даровать ей реформы. Мы въ Азіи умудрились сыскать себѣ освободителя, честь и слава славянской расѣ! Скоро мы обратимся къ королю Зулусовъ, съ просьбою выслать намъ на яхтѣ

„Ливадія“ реформатора. Реформами Лорисъ-Меликова можно не только успокоить Россію, но и упокоить!...

Нѣтъ! это не то! у васъ есть другой выходъ.

Если вамъ удастся, съ помощью Цитовичей и Катковыхъ, увѣрить всю Россію, что она предназначена благимъ провидѣніемъ единственно на перевозку дохлятины изъ Петербурга въ Ливадію и обратно — вы побѣдители.

Если вамъ удастся доказать, что десятки тысячъ жандармовъ, шпіоновъ, урядниковъ, рыскающихъ по голодающей, ограбленной Россіи, губящихъ ее въ компаніи съ саранчею, куською, тифомъ, дифтеритомъ, черною оспою и чумою, нужны единственно для того, чтобы охранять священное существованіе самодержавнаго паралича и шайки шантажниковъ — вы побѣдители.

Если вамъ удастся доказать, что весь смыслъ человѣческой исторіи заключается въ томъ, чтобы за царями и прохвостами сохранить дворцы и сверхъестественныя права, а за крестьяниномъ его убогую хату и отсутствіе всѣхъ естественныхъ человѣческихъ правъ — вы побѣдители.

Но вы превосходно знаете, что доказывать вы не умѣете, вы умѣете вѣшать. Тюрьма и висѣлица ваши единственныя доказательства; вся правительственная логика заключается въ нихъ; вы ими боритесь противъ убѣжденія, противъ истины.

Мы скоро увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ.

Съ одной стороны трепетъ за свою змѣиную шкуру, за тепленькія мѣста, и, въ случаѣ карающаго кинжала, позорная, ужасная смерть зарѣзаннаго палача; впереди проклятія потомства, его презрѣніе.

Съ другой — презрѣніе къ жизни и ея всѣмъ благамъ, полное презрѣніе самой смерти и пытокъ, въ виду поглощающей великой идеи, и, въ случаѣ висѣлицы, славная смерть, мученическій ореолъ за святыню убѣжденій. Впереди слава, слава безъ конца, горячая признательность цѣлаго народа. Мы скоро увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ.

Но смѣшнѣе всего, что, пуская въ ходъ висѣлицы, тюрьмы, вы въ компанію къ нимъ пустили въ ходъ Цитовичей и Катковыхъ, принимая въ простотѣ душевной литературныхъ бандершъ за моральную силу. Вглядитесь въ вашихъ защитниковъ, какою умственною рухлядью они стараются замаскировать свою бездонную умственную нищету, добровольное, за деньги нагнанное на себя идіотство; чтобы заболтать здравый смыслъ, они громятъ дилеттантизмъ, требуютъ изученій, углубленій, проникновеній, стражайшихъ взвѣшиваній, и еслибы мнѣ предложили опредѣлить въ двухъ словахъ всю сокровенную суть этихъ изученій, взвѣшиваній и проникновеній, опредѣлить ихъ программу, ихъ желанія и идеалы, я опредѣлилъ бы съ математическою точностью —

Полиція впередъ! мы за тобою!!

Читайте ихъ десятки лѣтъ, пытайте ихъ электричествомъ, кладите подъ прессъ въ десять тысячъ лошадиныхъ силъ, болѣе этого вы изъ нихъ не выдавите. Странно, никому еще не приходило въ голову доказывать существованіе консерваторовъ въ Персіи и почему-то стало возможнымъ узрѣть ихъ въ Россіи. Но консерваторъ долженъ же что нибудь защищать! Что же такого драгоцѣннаго, требующаго защиты, нашли въ нашемъ прелестномъ прошедшемъ наши консерваторо-

ры, если они даже Александровскія реформы считаютъ необузданными?

О, русское правительство! Цитовичи и Катковы — твоя моральная сила, твоя опора, и ты даже знаешь, сколько рублей въ мѣсяцъ тайная полиція истрачиваетъ на эту моральную силу. Вы вполнѣ достойны другъ друга, вы войдете вмѣстѣ, рука въ руку, въ царствіе небесное!

Висѣлица и тюрьма за убѣжденіе не смертный приговоръ надъ русскими революціонерами, но смертный приговоръ надъ вами самими. Являясь передъ вами въ послѣдній разъ для выслушиванія, задолго до суда составленнаго, канибальскаго приговора, они, гордо смотря въ ваши безстыжіе глаза, говорили: „Вы безжалостно убиваете насъ за горячую любовь къ нашей родинѣ, за желаніе ей блага, но помните, не пойдетъ вамъ въ прокъ наша гибель: за нами вслѣдъ встанутъ другіе и число наше умножится.“ Вы не хотѣли слушать, по вашему приказанію жандармы разрывали имъ рты, душили ихъ грязными платками; вы смѣялись надъ стонами, идущими изъ тюрьмы, и эти стоны превратились въ побѣдный кличъ, въ призывъ къ оружію! Встали суровые, страшные люди, полные величавой любви, святой, безграничной ненависти; въ одной рукѣ они держали книжку для народа-въ другой — смертельное оружіе; явились охотники на царей.....

Но это не все, и если ваши головы не убѣлены сѣдиною. вы доживете до той великой ночи, когда ангелъ смерти сой, детъ на нивы и отдѣлитъ плевелы..... броситъ ихъ въ огонь,

Вы этого хотѣли!!!

18 ноября, 1880 г. **П. Алисовъ.**

LIBRAIRIE ELPIDINE — GENEVE

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

П. Ѳ. Алисова:

Сборникъ литературныхъ и политическихъ статей — 4 фр. Христіанство передъ судомъ соціализма — 2 фр. Брошюры: Александръ II Освободитель — 1 фр. Alexandre II Libérateur. 2 édition.— 25 cent. Нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ Тургенева — 50 сант. Процессъ 193 — 50 сант. Реквіемъ — 50 сант. Россійское броженіе подъ микроскопомъ — 50 сант. Спасеніе отечества съ выдачею 100.000 рубл. впередъ—20 с.

Чернышевскій. 5 томовъ.— Его же: Кавеньякъ. Антропологическій принципъ въ философіи. Борьба партій во Франціи. Іюльская монархія. Лессингъ. Что дѣлать? Научились ли?

Герценъ. Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ. Колоколъ.

Періодическіе журналы:

„Общее Дѣло“. Съ мая 1877 по 1880.

„Набатъ“. Съ 1876 по 1879.

„Община“. 9 номеровъ.

„Впередъ“. IV и V т.

„Równość“. Съ 1879 по 1880 на польскомъ языкѣ.

Драгомановъ. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, съ предисловіемъ. Было бы болото, а черти будутъ. Терроризмъ и Свобода—Муравьи и Корова.

Ткачевъ. Анархія мысли.

Щедринъ. Чужую бѣду—руками разведу.

Тащкентцы, обратившіеся внутрь.

Начала соціальной науки, на русскомъ и польскомъ язык.